

ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ В ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЕ (1922—1932)

К моменту прихода фашистов к власти в 1922 г. были определены важнейшие ориентиры их внешнеполитической программы в отношении Парижских соглашений 1919 г., сформулированы общие цели экспансионистской политики. Это неудивительно, поскольку устойчивые связи между Муссолини и новой влиятельной группировкой монополистической олигархии, которая добилась вступления Италии в первую мировую войну на стороне Антанты, установились практически с момента его выхода из социалистической партии в 1914 г. В общем хоре антигерманского интервенционизма звучал голос газеты Муссолини «Пополо д'Италия», финансирование которой осуществлялось монополистическими группами «Эдисон», «Ансальдо», ФИАТ, оружейными заводами «Пароди», союзом сахарозаводчиков, крупнейшими банками «Банка итальяна ди сконто» и «Банко ди Рома».

В преддверии Парижской мирной конференции в 1919 г. фашистская «Пополо д'Италия» развернула яростную антиславянскую кампанию в связи с образованием государства южных славян. В этой связи звучали мотивы расового превосходства над славянами, претензии на полное господство в Адриатике и на территории соседних государств. В целом внешнеполитические цели — итальянская экспансия в ее различных формах и империя — постоянно подогревались фашистской печатью. На страницах «Пополо д'Италия» Муссолини утверждал 1 января 1919 г., что «империализм является вечным и неизменным законом жизни, он в сущности не что иное, как потребность и воля к экспансии, которую каждый индивидуум, каждый живущий народ содержит в себе». Фашисты провели ряд манифестаций в поддержку итальянских требований, выдвинутых на мирной конференции [1. Р. 8—12].

Обращает на себя внимание сходство взглядов представителей итальянского бизнеса и фашистских политиков в вопросе об организации нового послевоенного международного порядка, на что указывает Дж. Мори. В 1918 г. глава ФИАТ Дж. Аньелли выступил со статьей, озаглавленной «Европейская федерация или Лига наций». В ней отмечалось: «Если действительно существует намерение сделать невозможным возврат к войне, то остается открытым один путь: федерация европейских государств под руководством центральной власти, которая управляет ими и правительствами». И далее Дж. Аньелли заключал: «Европейская федерация сможет нам предоставить осуществление

самого экономичного разделения труда с устранением всех та-
моженных барьеров... И гигантская трансформация националь-
ного рынка в континентальный рынок откроет перед промыш-
ленниками такую емкость рынка, промышленность получит
такой гигантский импульс, которые сопоставимы с горизонта-
ми, открывшимися перед американской индустрией после войны
за независимость» [2. Р. 133].

В связи с визитом президента США В. Вильсона в Италию
«Пополо д'Италия» писала 5 января 1919 г., что основание
Лиги наций должно предполагать в качестве определенного и
предварительного условия «урегулирование национальных про-
блем», под которыми подразумевались «ясные и законные пра-
ва, которыми Италия не может жертвовать». 16 февраля 1919 г.
Муссолини разъяснял, что члены Лиги наций должны нахо-
диться в положении «экономического и юридического равенст-
ва». Если останутся «буржуазные» и «пролетарские» нации, то
прочность отношений между ними и солидарность не смогут
длиться вечно. Здесь необходимо заметить, что требование «ра-
венства» между нациями не следует понимать буквально. Толь-
ко между нациями, достигшими самого высокого уровня цивили-
зации, возможно установление сообщества народов, основан-
ного на равенстве и справедливости. В другом случае Муссоли-
ни высказывался в пользу «союза между пятью господствующи-
ми в мире нациями», имея в виду США, Англию, Францию,
Италию и Японию [3. Р. 19].

Американский историк Дж. Миллер считает, что США от-
водили Италии важную, если даже не основную, роль в уси-
лиях по созданию «стабильного» международного порядка.
В период своей поездки в Италию Вильсон стремился убедить
правительство этой страны принять американские условия
«справедливого мира». Поскольку Вильсону не удалось достичь
этого, отмечает Миллер, он решился на конфронтацию с Ита-
лией на Парижской мирной конференции, не поддержав ее при-
тязания в полном объеме [4. Р. 751—752].

Для оказания нажима на Италию США использовали про-
блему военных долгов. К моменту перемирия военные долги
Италии США составили 1 млрд 31 млн дол., Великобритании —
1 млрд 855 млн, Франции — 75 млн дол. [5. С. 5]. До мировой
войны доля США в итальянском импорте равнялась 13—15 %, в
1916—1919 гг. она возросла примерно до 40 %. США превра-
тились в основного поставщика оружия и зерновых Италии
[2. Р. 246—247]. Вопрос об уплате Италией военных долгов
правительство США поставило тотчас после прекращения во-
енных действий. Уточнению могли подлежать лишь вопросы
о сроках окончательного погашения долгов. На предоставляе-
мые займы были установлены довольно высокие проценты и ус-
ловиями регламентировалось их погашение золотом, а не това-
рами [6. Гл. 3]. Отказ Великобритании в феврале 1919 г. и

спустя 5 месяцев США в предоставлении кредитов Италии усугубил ее экономическое положение [7. Vol. 8. P. 225—226].

Республиканская администрация Гардинга, пришедшая к власти в 1921 г., разделяла многие из целей Вильсона в отношении Европы, однако намеревалась достичь их иными средствами. Она отвергла Лигу наций в качестве инструмента международного порядка. Основная ставка, по мнению Дж. Миллера, была сделана на создание международного валютно-финансового сообщества под эгидой американских банков. Сущность политики стабилизации заключалась в предоставлении американских кредитов иностранным государствам на условиях выплаты ими военных долгов, приведения национальных валют к золотому стандарту, установления согласованных таможенных тарифов, благоприятствующих устойчивому международному торговому обмену [4. P. 752—753].

Дж. Мигоне приводит сведения о том, что в апреле 1922 г. посол США в Риме информировал госдепартамент о готовности деятелей либерально-демократического толка Ф. Нитти и Л. Стурцо взять власть в свои руки в Италии при условии финансовой помощи США. Итальянский историк пишет, что это обращение было оставлено без внимания. США предпочитали выжидать политической стабилизации в Италии, чтобы не подвергать риску свои капиталовложения [8. P. 49]. Когда выяснилось, что Италия не занимает в Версальской системе того места, на которое рассчитывали итальянские империалисты, фашисты не скрывали своего разочарования. «Я всегда верил в то, что «Лига наций» станет предприятием, в котором все будет общим: колонии, сырье, вооружение, деньги. Однако вопреки ожиданиям,— отмечал Муссолини,— она предусматривает выгоду лишь немногим» [3. P. 20].

Фашистская печать возбуждала антиверсальские настроения, недоверие к международным институтам, обвиняла бывших союзников в «эгоизме», утверждала, что полагаться следует только на собственную силу и что именно фашизм ставит своей целью укрепление военного потенциала. «Корабль войны,— писала 26 июля 1919 г. «Пополо д'Италия»,— это лучший инструмент внешней политики...» 26 февраля 1920 г. «Пополо д'Италия» выдвинула требования пересмотра Версальской системы. «Слово «ликвидация» договоров нам не нравится,— писала газета,— мы предпочитаем говорить о «ревизии» и добавляем, что двумя основными пунктами ревизии являются компенсации и колонии». В наиболее сформулированном виде фашистские экспансионистские планы были выдвинуты Муссолини в его речи 20 сентября 1920 г. в местечке Пола. В ней район Средиземного моря был назван центром итальянской экспансии. На Италию, по замыслу Муссолини, возлагалась роль связующего «моста между Западом и Востоком».

Речь Муссолини была пронизана расистскими антиславянскими выпадами, в ней содержались угрозы в адрес Югославии и претензии на территорию Далмации. В заключение Муссолини призвал вооружаться [9. Р. 197—202].

Фашисты были приведены к власти в октябре 1922 г. финансовым капиталом и его политическими силами прежде всего потому, что в политической обстановке тех лет они были наиболее подготовлены к отстаиванию интересов итальянского империализма как в стране, так и на международной арене. Оценивая внешнюю политику фашистского правительства в 20-х гг., П. Тольятти привлекал внимание к тому, что особую динамичность и агрессивность итальянскому империализму придавал тот факт, что в силу неравномерности развития капитализма он опоздал к империалистическому разделу мира, итоги которого не удовлетворяли итальянскую буржуазию. Тольятти акцентировал внимание на том, что фашистские империалистические притязания неизбежно должны были привести Италию к столкновению с системой экономических, территориальных и политических отношений, созданной Версальским миром. Иного решения, кроме как попытаться разорвать эту сложившуюся систему, у итальянского империализма не было. «Вот почему,— писал Тольятти,— в ее внешней политике не прослеживается единой линии, а она руководствуется директивами, изыскивающими самые разнообразные пути для использования противоречий и соперничества в капиталистической Европе, играет на тех или иных противоречиях, чтобы создать благоприятную обстановку для осуществления притязаний итальянского империализма» [10. 2. Р. 142—147].

Генеральный секретарь МИД Италии С. Контарини, обеспечивавший преемственность между дофашистской и новой дипломатией, указывал на необходимость «вписывания» итальянских интересов в контекст международной реальности. Он призывал более жестко координировать итальянские дипломатические акции в Европе и Восточном Средиземноморье, особенно в Африке. В этих целях в 1926 г. было осуществлено преобразование Генерального департамента Европы и стран Леванта в Генеральный департамент Европы, Леванта и Африки. Одновременно осуществлялись попытки подчинения министерства колоний МИД Италии, а итальянские дипломатические представительства за рубежом получили задание активизировать профашистскую деятельность местных итальянских землячеств [11. Р. 16—17].

Итальянский исследователь П. Нелло считает, что итальянская дипломатия стремилась в 1926—1929 гг. к достижению безопасности в Европе и осуществлению экспансии в Восточном Средиземноморье и в Африке. В центре внешней политики стояли задачи укрепления отношений с Великобританией и Францией. По возможности Италия стремилась ослабить французское

влияние в Восточной Европе и создать собственную сферу влияния в этом районе [11. Р. 16].

Во второй половине 20-х гг. место фашистской Италии в системе межгосударственных отношений определялось ее включением в политику «умиротворения» Европы, осуществляемую под эгидой США и Великобритании. С этой политикой фашистский режим связывали многие нити: социально-политические, идеологические, валютно-финансовые, экономические, военно-политические, торговые и внешнеполитические. Рассмотрение вопроса о внешней политике фашистского режима в эти годы не может стоять вне основной особенности стабилизации капитализма как временной и частичной.

Приход фашистов к власти в Италии был одобрительно встречен в правящих и деловых кругах США. В свою очередь итало-фашистское руководство дало знать через представителя итальянского бизнеса А. Пирелли о поддержке американского плана реорганизации Европы и осудило позицию Франции в Рурском конфликте. Возможно, с этого момента, строит предположение Дж. Мигоне, США стали подходить к Италии как к участнику реорганизации мирового порядка [8. Р. 50]. Захват итальянскими фашистами греческого острова Корфу в 1923 г. не изменил отношения США к Италии. Более того, попустительская позиция США ослабила возможность принятия решительных действий против агрессора.

В период с 1923 по 1926 гг. США достигли соглашения с основными странами-должниками по вопросу об уплате военных долгов. В основу всех соглашений были положены американские требования. Англии была сделана скидка 18 %, а Италии — 68% [5. С. 7]. Дж. Мигоне отмечает, что политические деятели и банкиры действовали бок о бок в установлении тесных отношений между Италией и США. Важное значение имела беседа Муссолини с Т. Ламонтом, представителем финансового дома Моргана, которая состоялась 16 мая 1923 г. Возможность предоставления американских займов Италии обуславливалась политическими требованиями, которые в общем виде были связаны с принятием американских условий реорганизации европейского порядка. В свою очередь в лице Ламонта, который стал председателем итало-американского общества, итальянский фашизм приобрел активного организатора профашистских кампаний в США [8. Р. 50—106].

Спустя несколько месяцев после того как Муссолини объявил о своем решении разрешить силой возникший в июне 1924 г. «кризис Маттеотти», американская комиссия по военным долгам получила директиву конгресса США пойти навстречу итальянским пожеланиям. Не без оснований Дж. Мори устанавливает связь между процессом укрепления фашистской диктатуры, начиная с января 1925 г., и предоставлением ей американских займов [2. Р. 247—248].

В июне 1925 г. синдикат крупнейших банков США, возглавляемый Морганом, открыл кредит в 50 млн дол. правительству Муссолини с целью обеспечения им защиты лиры. Однако правительство США наложило вето на это решение, мотивировав его тем, что необходимо достижение полного соглашения о военных долгах. Нажим со стороны США на итало-фашистское правительство сопровождался требованиями итальянской организации промышленников Конфиндустрии о смещении с поста министра финансов А. Де Стефани и назначении Дж. Вольпи на этот пост. 22 октября 1925 г. Вольпи отбыл в Вашингтон во главе делегации, в состав которой вошли от МИД Италии Д. Гранди и от «хозяев пара» А. Пирелли.

14 ноября 1925 г. итальянская делегация подписала в США договор о возмещении военных долгов. Размер итальянского долга был установлен в 2 млрд 42 млн дол. с уплатой в течение 62 лет. Условиями предусматривалось получение репараций из Германии и Австрии. 27 января 1926 г. Дж. Вольпи и У. Черчилль подписали соглашение о выплате Италией военных долгов на сумму 266 млн 750 тыс. ф. ст. в течение 62 лет.

К моменту объявления президентом США Г. Гувером в 1931 г. моратория на репарационные платежи Италия получила из Германии 1 млрд 300 млн марок и около 500 млн лир золотом из Австрии, уплатив по военным долгам США и Великобритании около 660 млн марок. Соглашения по военным долгам не только устранили неопределенность, вызванную огромным долгом Италии, который рано или поздно необходимо было выплачивать, но прежде всего открыли дорогу американским займам, необходимым для финансирования государственной и частной промышленной активности. С 1925 по 1928 г. США предоставили Италии 22 займа на общую сумму 316,5 млн дол., в 1929 г. — 364,6 млн дол. Сроки выплаты по займам устанавливались в пределах от 10 до 30 лет. По объему прямых американских инвестиций Италия вышла в Европе на четвертое место после Великобритании, Германии и Франции [7. Vol. 9. P. 107].

Предоставление Соединенными Штатами и Великобританией «стабилизационных займов» было обусловлено приведением национальных валют к «золотому стандарту» [6. С. 90—92]. В 1924—1925 гг. к «золотому стандарту» были приведены валюты Германии и Великобритании. Валюты Франции, Бельгии и Италии, входившие в созданный до войны «латинский валютный союз», были подвергнуты сильнейшему нажиму со стороны Великобритании и США. В 1926—1927 гг. в результате целого ряда мероприятий, осуществленных правительством Муссолини, была проведена стабилизация итальянской лиры. Декретом от 21 декабря 1927 г. она была приведена к золотому паритету: 100 лир за 7,919 г золота. Курс лиры устанавливался в соотношениях: 19 за доллар или 92,46 за 1 фунт стер-

лингов («квота 90»). Итальянские исследователи Дж. Канделоро, Дж. Фалько и М. Сторачи полагают, что введение фашистским правительством «квоты 90» произошло под нажимом США и означало включение фашистской Италии в «стабилизационную систему» в Европе, создаваемую под эгидой американского капитала [7. Vol. 9. P. 102—117; 12].

На внутрисполитические последствия ревальвации курса лиры обращает внимание в своем исследовании Д. Прети. Он считает, что введение «квоты 90» повлияло на расстановку сил в правящем блоке промышленно-банковской олигархии и изменило направление процесса первоначального накопления капитала, который осуществлялся фашистским руководством. Жесточкий удар был нанесен по рабочему классу, ограничены экономические и политические претензии крупных аграриев, созданы предпосылки для ликвидации крупных смешанных банков, создавались искусственные препятствия для слабых промышленных и банковских групп, ликвидировались последствия послевоенного экономического бума, итогом которого являлась неупорядоченность экономических инициатив и инвестиционных вкладов. В целом новая фашистская политика благоприятствовала укреплению позиций наиболее передовых электрических, машиностроительных, автомобилестроительных, химических и металлургических обществ [13. P. 102—103, 106].

Д. Прети полагает, что назначение в 1925 г. министром финансов Дж. Вольпи и министром экономики Дж. Беллуццо, авторитетных представителей Конфиндустрии, означало утверждение экономического и политического руководства, целью которого являлось осуществление концентрации скудных экономических и валютных ресурсов страны, иностранных инвестиций на ограниченном пространстве в интересах влиятельных монополистических групп. Выступая в палате депутатов 3 июня 1926 г., Вольпи указывал на необходимость создания сплоченного индустриального блока, ориентированного на оптимальное и разнообразное, взаимно дополняющее друг друга производство, с тем чтобы добиться полной международной автономии итальянской экономики [13. P. 109—110].

В 1922—1925 гг. улучшились показатели итальянского экспорта. Этому способствовало оживление международного рынка и временное снижение конкуренции со стороны Германии и Австрии в Центральной и Юго-Восточной Европе. В 1922 г. рост итальянского экспорта составил 12,4 %, в 1923—19,2, 1924—29,6, 1925—27,1 [14. P. 281]. Тем не менее анализ М. Парадизи структуры итальянского экспорта свидетельствует о низкой доле в нем «новых» товаров, в первую очередь машинного оборудования и транспортных средств. Итальянский исследователь выделил три группы экспортных товаров: первая — продукты питания, текстильные товары, ремесленные изделия; вторая группа — металл, сырье, химическая продукция;

третья — машинное оборудование и транспортные средства. Доля товаров первой группы в сравнении с аналогичными в германском экспорте составила: в итальянском экспорте в 1913 г. — 63,3 % (в германском — 45,0 %), в 1928 — 68,8 (41,2), 1938 — 70,6 % (27,9). По товарам второй группы динамика выглядит таким образом: 1913 — 33,6 % (41,1), 1928 — 25,6 (42,1), 1938 — 18,8 % (44,5). По товарам третьей группы: 1913 — 3,0 % (3,1), 1928 — 5,4 (4,6), 1938 — 10,5 % (6,2). В целом структура итальянского экспорта, подытоживает М. Парадизи, уступала индустриально развитым странам, особенно США и Великобритании. Около 70 % экспорта составляли «типично итальянские товары» — овощи, цитрусовые, фрукты, вина, текстиль. Рост производства в Италии стимулировался преимущественно иностранными инвестициями, а не прибылью от экспорта [14. Р. 280, 283].

Дефицит внешнеторгового баланса в 1922—1929 гг. колебался от 4,7 до 7,9 млрд лир. В этой связи электроэнергетические монополии настаивали на рационализации внешней торговли [14. Р. 117, 289; 13. Р. 110]. Другие компании, например, автомобилестроительные и искусственного волокна, до 50 % своей продукции направляли на экспорт.

Д. Прети называет сумму иностранных займов примерно в 8 млрд лир, полученных Италией в период с 1925 по 1930 гг. [13. Р. 107]. Из них ФИАТ получил 10 млн дол., а львиная доля (около 30 %) была предоставлена электроэнергетическим обществам. Только «Союз по использованию электроэнергии» получил 90 млн дол. в октябре 1926 г. В этой связи Дж. Мори обращает внимание на пока еще «темную страницу» в связи с созданием в 1927 г. под американским руководством и с американским капиталом нового холдинга «Итэлиэн суперпауэ корпорейшн» с центром в Делавере и капиталом в 30 млн дол. С итальянской стороны в него вошли «Эдисон», «Монтекатини», «Банка коммерциале» и др. [2. Р. 260—261, 328].

Финансово-экономические мероприятия, осуществленные правительством Муссолини при поддержке американского капитала, стали одним из важнейших условий внутренней и международной стабилизации фашистского режима. Был дан сильный толчок концентрации производства: с 1918 по 1927 гг. происходило 16 поглощений акционерных обществ в год, а в 1928 г. — 106, 1929 — 102, 1930 — 107. В 1916 г. 0,29 % акционерных обществ владели 19,03 % всего акционерного капитала, а в 1932 — 0,89—51,7; в 1941 — 0,67—60,6 [2. Р. 233].

Четыре крупных электроэнергетических общества — «Эдисон», «Бастоджи», «Ла Централе», «Адриатика ди элеттричита» — стали сердцевиной нового монополистического блока, пришедшего на смену группе «смешанные банки — металлургические компании». С 1926 по 1932 гг. мощность электростанций возросла с 3 млн 40 тыс. квтч до 5,3 млн. Развитие электро-

энергетики дало импульс машиностроению, металлургии, электротехнике. Вместе с тем несбалансированность развития электроэнергетики с другими отраслями была причиной глубоких искривлений в производственной структуре, отрицательно сказывалась на финансовом равновесии Италии. В период глубокого экономического кризиса капиталы вкладывались в гидроэлектростанции, производственные мощности которых превосходили потребности рынка (в 1931 г. потреблялось 63 % производимой электроэнергии). Однако цены на электроэнергию подерживались при помощи государства на стабильно высоком уровне [13. Р. 117—119].

В книге Ф. Гуарнери приведены следующие данные роста промышленного производства: в 1926—1929 гг. соответственно 165,8 %, 163, 182,9, 204,5 % [15. Р. 161]. Наряду с электроэнергетикой отмечался значительный рост цементной и строительной индустрии, химической промышленности. Особенностью развития итальянской промышленности на рубеже 20—30-х гг. являлась ее преимущественная ориентация на внутренний рынок, но не на массовое потребление, а на государственные заказы.

Состав палаты депутатов, избранной в соответствии с новым законом в марте 1929 г., отвечал новой расстановке экономических сил в Италии и отразил утрату аграрным сектором политической и экономической власти. По данным 1932 г. 4 крупных электроэнергетических холдинга имели в своих административных советах 40 сенаторов и депутатов, группа страховых обществ — 40, группы химических, текстильных и машиностроительных компаний от 25 до 30 каждая [13. Р. 105].

Мировой экономический кризис 1929—1932 гг. подверг серьезному испытанию политику «умиротворения» Европы. Он привел к расстройству международной торговли, вызвал резкое падение товарного вывоза и обострил проблему рынка [6. С. 150].

В тяжелом положении оказалась валютно-финансовая система капиталистических государств: в сентябре 1931 г. ведущие банки США, Великобритании и Франции отказались от «золотого стандарта». Главные капиталистические страны оградили экономику метрополий и колоний высокими таможенными барьерами от остального мира.

Начиная с 1931 г. происходит снижение поступлений в государственную казну Италии (в 1933/34 финансовом году они сократились на 2,5 млрд лир по сравнению с предшествующим). Одной из причин являлось сокращение экспорта товаров: в 1935 г. экспорт уже составлял чуть более трети от уровня 1929 г. В 1930 г. 35,3 % итальянского экспорта направлялось в развитые капиталистические страны — Францию, Великобританию, США, которые в годы экономического кризиса приняли меры к ограничению импорта [14. Р. 296].

В 1931 и 1932 гг. Италия добилась заключения двусторонних торговых соглашений на основе безвалютного расчета (клиринга) с рядом стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Но особенно возросло значение Германии во внешней торговле Италии. Германские поставки машинного оборудования составили в итальянском импорте в 1932 г. 53,2 %, а в 1938 — 65,4. Одновременно сократились поставки этих товаров из Франции — с 5,5 % до 1,6 %, из Великобритании — с 15,1 до 7,9. В 30-х гг. доля Германии во внешней торговле Италии достигла 1/4 части [14. Р. 300—305; 16. Р. 142].

Наряду с сокращением валютных поступлений от экспорта Италия лишилась некоторых других важных источников финансирования. В июне 1931 г. правительство США объявило о годичном моратории на выплату Германией репараций. США заявили о готовности предоставить временные льготы странам-должникам, однако отказались отменить военные долги. В 1933 г. Великобритания и другие должники США в одностороннем порядке прекратили выплаты по военным долгам. В годы мирового экономического кризиса прекратился поток американских капиталов в Европу, а после кризиса начал направляться в неевропейские страны [6. С. 131, 150]. В результате мирового экономического кризиса начал разрушаться валютно-финансовый и торгово-экономический механизм, созданный в период «стабилизации». «Версальско-вашингтонская система стояла перед крахом... складывались условия для новых военных столкновений с целью передела мира», — отмечается в «Истории дипломатии» [17. С. 537].

Мировой экономический кризис нарушил систему внешнего финансирования итальянской экономики, подорвал позиции итальянских банков. В этой связи Э. Раджониери обратил внимание на утрату Италией двух наиболее существенных аспектов ее политики: финансово-экономического покровительства США и политико-дипломатической поддержки Великобритании [18. Р. 2213]. Правительственным декретом от 12 марта 1930 г. была установлена свобода валютного обмена, что привело к утечке золота и твердой валюты. В целях сохранения доверия мелких вкладчиков и осуществления операций по спасению банков правительство пыталось ценой крупных финансовых затрат сохранить «квоту 90». В период с 31 декабря 1927 г. по 31 декабря 1934 г. валютные резервы Италии сократились с 12,1 до 4,9 млрд лир. [15. Р. 167, 345]. Однако осуществленные государственные мероприятия по «оздоровлению» банков не дали ожидаемых результатов. Учрежденный в ноябре 1931 г. государственный финансовый институт «Иститутто мобилъяро итальяно» (ИМИ) осуществил в течение года операции по спасению от краха акционерных обществ «Италгас» и «Терни». Однако подобных единичных мероприятий было недостаточно для оздоровления экономики в целом.

В июне 1932 г. экономический кризис достиг в Италии высшей точки. В начале 1933 г. новый министр финансов Юнг и доверенное лицо главы правительства Бенедуче разработали рекомендации относительно нового государственного института, которому поручалось долгосрочное финансирование промышленности и стимулирование производства. Поворотным моментом экономической стратегии правящих сил являлось изъятие акций индустриальных обществ из владений банков и их холдингов. До этого около четырех десятилетий финансирование промышленности осуществлялось посредством кредитов или иных источников финансирования, поступающих от «Банка коммерциале», «Кредито итальяно», «Банко ди Рома». По данным коммунистического издания «Ло стато операйо», треть крупных и средних промышленных предприятий находилась под контролем банков. В условиях экономического кризиса такая связь была губительной и для тех и для других. В сентябре 1931 г. на рассмотрение правительства был вынесен подготовленный «Банка коммерциале» проект оздоровления банковской системы в стране, который оставлял за банками роль основных финансистов промышленности.

23 января 1933 г. был учрежден государственный Институт промышленной реконструкции (ИРИ), президентом которого стал А. Бенедуче. В руки ИРИ был передан инвестиционный кредит, значительная часть акций металлургических, электротехнических, телефонных, газовых обществ, судоверфей, недвижимости. Государство-банкир контролировало 98 % банковского капитала, в руках государства-предпринимателя было сосредоточено 25 % промышленного капитала [7. Vol. 9. P. 263—281; 2. P. 34]. Мероприятия фашистского правительства были направлены на максимальную концентрацию накоплений в руках государства, на установление государственного контроля над рынком и обращением капиталов. Это было необходимо для осуществления инвестиционной политики в интересах ведущих монополистических групп, для финансирования перевооружений и военных авантур фашистского режима. Государственная политика была направлена на максимальную мобилизацию внутренних сбережений. Рост государственных доходов происходил главным образом за счет увеличения чрезвычайных и обычных налогов. Дж. Мори метко отметил, что целью создаваемых фашистским правительством государственно-монополистических комплексов являлась «социализация убытков и приватизация прибылей» [2. P. 322].

Экономическая и внешнеполитическая стратегия, внутренняя политика фашистского правительства, будучи взаимосвязанными и оказывая взаимное влияние друг на друга, привели к качественным сдвигам в середине 30-х гг. во всех этих трех областях. Наиболее концентрированным выражением этих перемен стала провозглашенная Муссолини 23 марта 1936 г.

политика автаркии. Касаясь одного из ее внешнеполитических аспектов, можно согласиться с мнением М. Парадизи, что захват колоний отвечал классической концепции империи, рассматриваемой как расширение внутреннего рынка. В осуществлении колониальной экспансии были заинтересованы многие развитые отрасли итальянской экономики, которые не были связаны с внешним рынком или испытывали затруднения с выходом на него [14. Р. 308—310].

Таким образом, слабость международных позиций итальянского империализма, его неспособность завоевать прочное место на мировых рынках, используя неомеркантилистские средства, подталкивала правящие круги Италии к использованию «архаичных» форм экспансии. Стремление создавать военно-политическими средствами своеобразные «охотничьи заповедники», т. е. колониальные зоны в определенных районах, было, пишет Дж. Кароччи, типичным для страны с ограниченными капиталами [23].

Противоречивость внешнеполитического курса фашистской Италии в 1922—1932 гг. была обусловлена интеграцией страны в американскую систему «стабилизации» Европы. Фашистская Италия стала одним из объектов американской политики и в то же время одним из стабилизирующих факторов в капиталистической Европе. Отношение итало-фашистского руководства к послеверсальской системе, в которую Италия оказалась интегрированной множеством связей, не было априорно отрицательным. Многое зависело от путей дальнейшей эволюции самой системы и формирования альтернативных ей концепций.

Во внешней политике фашистской Италии в 20-х гг. сочетались «реалистичные», т. е. в духе политики «умиротворения» Европы, и ревизионистские по отношению к версальским договорам тенденции. В эти годы стабилизировалось балканское направление во внешней политике, было заявлено о территориальных и колониальных претензиях в Африке, на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземного моря, осуществлялась политико-экономическая экспансия в этих районах [19]. Обратимся к фашистской прессе тех лет. В июньском за 1925 г. номере журнала «Джераркия» фашистский дипломат Р. Канталупо привлек внимание к речи Муссолини в связи с реформой в итальянской армии. Возрастание роли Италии в мировой политике он связывал с укреплением ее военного потенциала. Великая держава, подчеркивалось в журнале, это та, которая способна к постоянной реализации своей национальной программы. Настоящую фазу итальянской внешней политики он определил в качестве «подготовительной» [20].

Комментируя поездку главы фашистского правительства в Ливию в апреле 1926 г., в ходе которой были сделаны воинственные выпады против западных государств, Ф. Джерачи писал, что Муссолини проявил себя в качестве настоящего «ко-

лониэл мен» (колониалиста). Италия должна делать свою политику в Ливии, восстановить позиции в Средиземноморье, превратить его в «маре nostrum». Это поездка, подчеркивал Джера-чи, будет способствовать росту колониального сознания итальянской нации [20. 1926. № 2. Р. 139—140]. Спустя месяц тот же автор указывал, что в преддверии Женевской конференции Италия ставит вопрос о пересмотре колониального статуса, о необходимости приведения его в соответствие с итальянскими политическими, экономическими и демографическими потребностями. В Африке и на Ближнем Востоке Италия добивается территориальных компенсаций. Установление официального «колониального дня» 21 апреля должно напоминать итальянцам об этих претензиях [20. № 3. Р. 205—207].

Подытоживая значение поездки Муссолини в Ливию, Р. Канталупо выделял три основные цели: подтвердить историческое значение, которое фашизм придает африканской политике; углубить связь между Италией и мусульманским миром; повлиять на формирование в Италии массового колониального сознания [20. 1926. № 4. Р. 209—216].

Анализ итало-фашистской печати 20-х гг. дает представление о том внимании, которое уделялось в ней межимпериалистическим отношениям. В июле 1926 г. влиятельный фашистский журналист В. Гайда выразил озабоченность в связи с тем, что возрастающая транснациональная картелизация угрожает поставить Италию в изоляцию. Гайда обратил внимание на установление Англией и США монопольного контроля над добычей сырья и создание ими искусственной нехватки первичных материалов. С нескрываемой озабоченностью он писал о создании европейского «стального треста», ведущие позиции в котором принадлежали французскому и германскому капиталу. Объем выпускаемой трестом продукции в 4 раза превышал мощности итальянской промышленности [20. 1926. № 7. Р. 451—459]. Спустя полгода Гайда с удовлетворением отмечал обострение франко-германских противоречий в «стальном тресте». Он указывал на провал французских попыток установить контроль над германской индустрией и отмечал возрастание экономической мощи Германии. Гайда призывал к восстановлению традиционных политических связей с Германией и усматривал в этом возможность для Италии добиться ослабления французского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Опираясь на германскую поддержку, Италия, по его замыслам, могла создать собственную систему господства от Австрии и Венгрии до Румынии и Албании. Общим для Италии и Германии являлось то, заключал Гайда, что они не считали урегулирование колониальных проблем окончательным [20. 1927. № 2. Р. 134—145].

Многовариантность внешней политики фашистской Италии проявлялась в ее позиции в отношении веймарской Германии.

С начала 20-х гг. фашистское руководство оказывало поддержку правым силам в Германии, в том числе национал-социалистам [21. Р. 18—20]. С 1923 г. на территории Италии действовали филиалы авиационно-конструкторских компаний «Юнкерс» и «Фоккер». С 1928 г. было установлено постоянное секретное сотрудничество между военно-воздушными формированиями обеих стран [21. Р. 21—23].

Отправным пунктом наметившихся изменений во внешней политике фашистской Италии стали последние два года мирового экономического кризиса. В это время Италия пыталась выполнить роль связующего «моста» между США и Европой. Расчет строился на том, что США проявят инициативу в реорганизации валютно-финансовой и всей хозяйственной системы капиталистического мира, окажут помощь в оздоровлении положения в отдельных капиталистических странах. Итало-фашистское руководство намеревалось воспользоваться сложившейся обстановкой для улучшения своих международных позиций. Итальянское правительство одобрило мораторий Гувера. 4 июля 1931 г. министр иностранных дел Гранди сделал заявление американскому агентству Ассошиэйтед Пресс: «Я всегда был против намерения рассматривать мир разделенным на географические секторы. В ответе, сделанном год назад в отношении французского проекта экономической и политической пан-Европы, я открыто критиковал эту концепцию. Итальянское правительство всегда выступало против политики дистанцирования Европы от Америки. Эти два года кризиса показали необходимость солидарности не только между государствами нашего континента, но и между континентами» [8. Р. 253].

Италия выступила против французского проекта пан-Европы, считая, что его целью является увековечивание послевоенного статус-кво. Одновременно она добивалась такой реорганизации Лиги наций, которая позволила бы освободить ее от гегемонии Великобритании и Франции. В основе французского проекта, писал В. Гайда, заложена попытка сформировать европейский блок против США, отделить европейские государства от американского капитала и создать барьеры на путях экспорта США. Командные позиции в европейском объединении принадлежали бы Франции. По мнению Гайдy, после дискуссий в Женеве план Бриана вышел в измененном виде. Прежде всего Германия отвергла попытки навязать ей новое Локарнское соглашение с более широкими обязательствами. В связи с обсуждением этого проекта столкнулись французская и германская позиции. Первая была нацелена на закрепление послевоенного статус-кво, вторая — на ревизию и последующее разрушение всех пунктов договоров. В подходе к проекту пан-Европы позиция Германии заключалась в том, чтобы рассматривать его как «отправной пункт марша к новому порядку». В заключение пространной статьи В. Гайда отметил, что Италия рас-

смаатривает Лигу наций в качестве эффективного инструмента, с помощью которого она намеревается защищать свои позиции [20. 1931. № 2. Р. 118—124; 1931. № 6. Р. 3—6, 14—21].

«Джераркия» писала, что Италия добивается «умиротворенной и спокойной Европы», что для нее означало бы получение колониальных компенсаций в соответствии с Лондонским договором 1915 г., обеспечение статуса итальянцев в Тунисе, установление морского паритета, соглашение с Францией об эксплуатации дунайско-балканского региона [20. 1931. № 6. Р. 442—443]. «Мы против закрытых систем как в политике, так и в экономике», — так комментировала «Джераркия» выступление Гранди в феврале 1931 г. [20. 1931. № 3. Р. 263]. За этими словами скрывалась растущая озабоченность итало-фашистского руководства прогрессирующими изменениями в международной обстановке. В условиях глубокого кризиса версальских институтов шла перегруппировка империалистических сил, возникали новые планы и концепции международного развития, которые отражали империалистические устремления отдельных стран, блоков или групп. Подписанный в марте 1931 г. австро-германский протокол о начале переговоров о таможенном союзе рассматривался в Италии как сигнал к началу осуществления широкомасштабной германской акции по ликвидации версальских договоров.

Автор статьи в журнале «Джераркия», скрывшийся под псевдонимом «Минимус», указывал, что за этим актом может последовать аншлюс, плебисцит по Саарской области и данцигскому коридору, требования пересмотра вопроса о мандатах и др. Это начало традиционной экспансии на запад с целью установления господства в Европе и на восток за экономическое и политическое подчинение территорий в духе политики «дранг нах остен». В ближайшие годы, отмечал автор, наиболее реалистичным направлением германской экспансии становилось юго-восточное направление.

В заключение автор статьи указывал, что итальянские интересы расходятся с германскими и французскими и скорее совпадают с английскими в обеспечении равновесия между Францией и Германией. В целом позиция Италии заключается в том, чтобы добиваться дальнейшей унификации европейской экономики. Одним из ее условий должно было стать создание европейского подкомитета по контролю за Австрией [20. 1931. № 6. Р. 459—470].

В итало-фашистской печати выход из экономического кризиса связывался с согласованными действиями ведущих европейских государств и США. Эта линия отражена в статье влиятельного фашистского экономиста Дж. Ариаса «Мировые экономические проблемы». Обратившись к проблеме движения капитала, он в качестве положительного примера сослался на позицию США и Великобритании, которые, несмотря на сокра-

шение золотых запасов, сохраняли на достаточно высоком уровне вывоз капиталов. Эти страны, подчеркивал Ариас, играют решающую роль в оздоровлении мировой финансовой системы. Критике была подвергнута французская политика «экономической изоляции», проявившаяся в ограничении кредитов и других внешних финансовых обязательств и в наращивании золотого запаса. Отказ от военных долгов и репараций он рассматривал как неперемное условие решения экономического кризиса. «Кризис экономической организации «либералистского» типа, а не кризис капитализма», по его словам, характеризовал положение в мировой капиталистической экономике [20. 1931. № 8. Р. 643—650].

Под этим углом можно рассматривать многие внешнеполитические инициативы фашистского режима. В частности, итальянская дипломатия положительно отнеслась к советскому проекту пакта об экономическом ненападении, выдвинутом в 1931 г., усматривая в нем защиту принципа «экономического равенства государств» [22. С. 265]. В ноябре 1931 г. итальянский министр иностранных дел Гранди прибыл в США. В ходе визита он вынес на обсуждение ряд проблем: военные долги и репарации, безопасность, ограничение вооружений, экономическое сотрудничество. В отношении первой проблемы он подтвердил позицию Италии рассматривать взаимосвязанными проблемы военных долгов и репараций. Позиция Италии по вопросам безопасности и вооружений была обусловлена ее стремлением к достижению равенства вооружений, в первую очередь с Францией, и неспособностью направлять значительные суммы на гонку вооружений в период экономического кризиса. В интервью, которое Гранди дал по случаю встречи с видными деятелями финансового мира США, было сказано, что стороны обсудили проблемы финансового переустройства мира. Гранди особенно отмечал необходимость придерживаться таких принципов, как стабилизация валют, свободный торговый обмен, финансовое сотрудничество [20. 1931. № 12. Р. 959—964; 8. Р. 262].

Выступая 10 декабря 1931 г. в итальянском сенате, Гранди дал высокую оценку той роли, которую правительство и деловые круги США играли в преодолении капиталистическими странами мирового кризиса. Однако развитие событий не подтвердило оптимистичность утверждения министра. Одновременно «Джераркия» опубликовала статью Дж. Ариаса, в которой выражалась озабоченность введением ведущих капиталистическими странами системы защиты. «Без сомнения, международное экономическое соглашение является основным условием для разрешения кризиса, но одно таможенное соглашение не может быть приемлемым, если оно не сопровождается всеобщим пересмотром экономических отношений...» — утверждал Ариас. Экономической изоляции и автаркии он противопоставлял «иск-

реннюю и плодотворную международную экономическую солидарность» [20. 1931. № 12. Р. 987—994].

В декабре 1931 г. была создана комиссия экспертов по германским репарациям. После отказа представителя США В. Стюарта занять место председателя на этот пост был избран итальянский делегат А. Бенедуче. Ввиду важной роли, которую играла Германия в системе «военные долги — репарации — кредиты», комиссия рекомендовала в связи с пересмотром германской репарационной проблемы обсудить и принять меры, охватывающие всю совокупность финансовых и экономических проблем, влияющих на мировой кризис. Дальнейшее развитие событий показало полный провал попыток международного урегулирования этих проблем.

Отставка Д. Гранди в 1932 г. с поста министра иностранных дел сигнализировала о начавшемся процессе внешнеполитической переориентации фашистской Италии. Инвестиционный голод, вызванный сокращением американских займов Италии, ограничение экспортных возможностей в связи с принятыми протекционистскими мерами на мировом рынке и обострением межимпериалистической борьбы, нарушение механизма валютно-финансовых отношений создали новые условия для принятия внешнеполитических решений. Особенно повлиял на изменение международной обстановки приход в 1933 г. нацистов к власти в Германии. После мирового экономического кризиса начинается новый этап во внешней политике фашистской Италии: итало-фашистское руководство встает на путь прямой ревизии версальских договоров и фашистских войн.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Rumi G. *L'imperialismo fascista*. Milano, 1974.
2. Mori G. *Il capitalismo industriale in Italia*. Roma, 1977.
3. Rumi G. *Alle origini della politica estera fascista: 1918—1923*. Bari, 1968.
4. Miller J. E. *Strategie della stabilizzazione: Gli Stati Uniti e l'Italia, 1917—1950* // *Storia contemporanea*. 1984. N 4.
5. *Репарационный вопрос и военные долги*. М., 1933.
6. Громыко А. А. *Внешняя экспансия капитала. История и современность*. М., 1982.
7. Candeloro G. *Storia dell'Italia contemporanea*. Milano, 1978, 1981. Vol. 8—9.
8. Migone G. *Gli Stati Uniti e il fascismo*. Milano, 1980.
9. Mola A. *L'imperialismo italiano*. Roma, 1980.
10. Togliatti P. *Opere*. Roma, 1979. Vol. 2.
11. Grandi D. *La politica estera dell'Italia dal 1929 al 1932*. Roma, 1985. Vol. 1.
12. Falco G., Storaci M. *Fluttuazioni monetarie alla metà degli anni 20* // *Studi Storici*. 1975. N 1.
13. Preti D. *Economia e istituzioni nello Stato fascista*. Roma, 1980.
14. *L'economia italiana nel periodo fascista*/A cura di P. Ciocca e G. Toniolo. Bologna, 1976.
15. Guarneri F. *Battaglie economiche tra le due grandi guerre*. Milano, 1953. Vol. 1.

16. Repaci F. A. La finanza pubblica italiana nel secolo 1861—1960. Bologna, 1962.
17. История дипломатии. М., 1965. Т. 3.
18. Storia d'Italia. Torino, 1976. Vol. 4. Т. 3.
19. Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах, 1922—1935. М., 1979.
20. Gerarchia.
21. Petersen J. Hitler e Mussolini. La difficile alleanza. Bari, 1975.
22. История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1.
23. Carocci G. Appunti sull'imperialismo fascista negli anni '20 // Studi Storici. 1967. N 1. P. 126, 136—137.

В. П. ГАЗИН
Каменец-Подольский пединститут

ГЕРМАНСКИЕ МОНОПОЛИИ И ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1925—1932)

После принятия в 1924 г. «плана Дауэса» германский империализм усилил действия, направленные на подрыв Версальской системы и ухудшение положения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Активизации великодержавных стремлений Веймарской республики способствовала антисоветская политика мирового капитализма. Ненависть к СССР заставила правящие круги Англии и Франции пригласить Германию в Локарно, чтобы через некоторое смягчение политики «выполнения» покончить с германской политикой «вынужденного балансирования» между Востоком и Западом, сложившейся в первой половине 20-х гг. в результате изгнания Германии из круга великих держав и на основе принципа мирного сосуществования государств с различной общественной системой, провозглашенного Великим Октябрем. Локарнские соглашения создали реальные предпосылки ликвидации версальских постановлений на Востоке и означали коренную переориентацию Запада на Германию в антисоветских планах. А малые страны, составлявшие так называемый «санитарный кордон», теряли свои первоначальные функции: сдерживать «натиск большевизма» и «держать Германию под шахом» [1. С. 17]. «В Локарно,— писал Э. Тельман,— господа Версаля объединились с капиталистами побежденной Европы для подготовки агрессивной войны против СССР» [2. С. 190].

Договорное привязывание Германии к антисоветским альянсам рассматривалось Англией и Францией как собственный успех. А попрание в Локарно законных интересов Польши и Чехословакии правящие круги Германии восприняли как личную удачу, как сигнал к разрушительным действиям на Востоке. «Потерянное на Западе осталось потерянным, и было бы бессмысленным играть сегодня с идеей войны против Франции»,— говорил министр иностранных дел Веймарской республики